

Телохранитель
Евгения Охотникова

МАРИНА СЕРОВА

Табу на
нежные
чувства

ЭКСМО

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Табу на нежные чувства

«Научная книга»

2007

Серова М. С.

Табу на нежные чувства / М. С. Серова — «Научная книга»,
2007 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Для телохранителя жизнь клиента – святое. Но что делать если заказчик не вызывает симпатию? Согласившись охранять журналиста Эдуарда Крапивина, знаменитый бодигард Евгения Охотникова сто раз пожалела об этом. Крапивин заварил кашу, а Жене расхлебывать – спасти его от неизвестного преследователя. Вопрос в том, кто именно «заказал» Эдичку. Уж слишком многих он облил грязью в своих статейках, а кое-кому поломал жизнь. Есть и желающие за себя отомстить. Евгения решила встретиться с некоторыми обиженными. Но вот незадача – только Охотникова увидится с очередным героем скандальной статьи, как его убивают. Милиция утверждает, что преступник – Эдуард Крапивин...

Содержание

* * *	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Табу на нежные чувства

* * *

Я бежала по темной, неосвещенной улице за парнем, который минуту назад напал на моего клиента. В неярком свете луны я отчетливо видела, как поблескивает металлическая пряжка на его кожаной куртке. Только благодаря этому блеску я не теряла парня из виду. Надо сказать, бежал он шустро, ловко минуя преграды на своем пути: перепрыгивая через скамейки и мусорные баки. Мне никак не удавалось сократить расстояние между нами, а впереди уже слышалась музыка из ночного клуба, и улицу освещал яркий свет фонарей. Я понимала, что у меня остался последний шанс нагнать беглеца. Если он доберется до клуба и смешается с толпой отдыхающих, мне трудно будет вычислить его, потому что ничего, кроме его невысокого роста и металлической пряжки на кожаной куртке, я разглядеть не успела.

Неожиданно за своей спиной я услышала тяжелый топот. Я оглянулась и заметила вдалеке долговязую фигуру. Человек бежал за мной и широко размахивал руками. Я потеряла несколько секунд, отвлекаясь на своего неожиданного преследователя, а когда снова повернула и поискала глазами парня в кожаной куртке, поняла, что потеряла его. Он завернул за угол дома, где кипела залихватская ночная жизнь и сотня подростков отдыхала, развлекаясь у входа в ночной клуб. Там, в толпе, я его уже не смогу найти. Тогда я решила разобраться с долговязым, что преследовал меня. Нырнула за дерево и приготовилась застать наглеца врасплох. Когда долговязый поравнялся со мной, я бросилась на него сзади и повалила на асфальт.

– Это я, это я! – завопил мужчина.

Его голос я, разумеется, сразу узнала. Еще бы, ведь с этим человеком я разговаривала несколько минут назад, до того как неизвестный парнишка в кожаной куртке нарушил наше непринужденное общение.

– Эдуард Петрович, – сказала я зло, подавая руку своему непутевому клиенту. – Почему вы бежали за мной? Я велела вам оставаться в машине.

– Но ведь вы мой телохранитель, а я ваш клиент, мы всегда должны быть рядом, – оправдывал он свое поведение, отряхивая брюки.

– У вас слишком примитивные представления о моей работе. Если вам дорога ваша жизнь, делайте то, что я говорю.

– Но вы сказали мне оставаться на месте, а это противоречит принципам работы телохранителя.

– Эдуард Петрович, я знаю о принципах своей работы, давайте вы не будете учить меня, – сказала я укоризненно.

– Я остался один в чужой машине и был в опасности. Вы не думали об этом? – не унимался мужчина, он размахивал руками и тяжело дышал.

Мы возвращались к «Фольксвагену» – я шла впереди, мой клиент семенил рядом. Многословность Эдуарда Петровича несколько утомляла, но я никак не реагировала на его замечания. Костя был прав, журналист Крапивин своеобразный человек, находиться в его компании больше десяти минут просто невозможно, а мне предстояло «наслаждаться» обществом разговорчивого журналиста до тех пор, пока не выяснится, кто и по какой причине его преследует.

Глава 1

Утро того же дня

– Уверяю тебя, в твоей работе такая машина будет просто необходима. Надежное средство, безопасное, в хорошем состоянии.

– Олег, прошу тебя, хватит. Я хорошо к тебе отношусь, но покупать этот хлам не собираюсь, – я скептически оглядела транспортное средство, которое так настойчиво впаривал мне мой старый знакомый. – Если бы эта машина была в хорошем состоянии, ее не списали бы.

– Повторяю тебе, – Олег тряс руками перед моим лицом, убеждая в выгодности сделки, – ее списали не из-за плохого состояния, а из-за реорганизации. У нас теперь будут новые машины, а эту малышку, – он провел рукой по капоту бронированной инкассаторской машины, – приходится продавать за бесценок.

– Даже не догадывалась, что ты такой предприимчивый, – усмехнулась я. – Побереги свои доводы для какого-нибудь дачника.

– Я же тебе как другу, по старой дружбе хочу машинку свою продать. А ты не ценишь моих стараний, – с обидой в голосе сказал бывший инкассатор Олег Проханов.

– Спасибо за старания, Олежка. – Я похлопала по плечу обидчивого парня и улыбнулась: – Только мне этот броневик ни к чему.

– Ясно, – Олег шмыгнул носом. – Как хочешь. Но знай, машина супер, о такой мечтает каждый...

В этот момент зазвонил мой мобильный телефон, я обрадовалась возможности под благовидным предлогом покинуть гараж Проханова и избавиться от мучительного и бесполезного разговора со старым знакомым.

– Извини, – кивнула я Олегу и вышла на улицу.

Звонил еще один мой старый знакомый, следователь городской прокуратуры Костя Мечников. Обычно я ему звоню, когда появляются какие-то проблемы или вопросы по работе, но на этот раз Константин удивил меня и позвонил первым.

– Женя, привет. У тебя сейчас есть работа? – Мечников сразу перешел к делу. Значит, вопрос действительно серьезный и не терпит отлагательств.

– Нет, я в отпуске, уже два дня.

– Отлично, тогда я хочу попросить тебя об одной услуге.

– У тебя проблемы?

– Нет, не у меня. Ты мне только скажи, ты согласна заняться новым делом или хочешь продлить свой отпуск?

– Продлить? – Я усмехнулась. – Куда уж продлевать, он и так слишком затянулся.

– Тогда я заеду за тобой в три часа, устроит?

– Устроит, – ответила я и отключилась.

Олег, заметив, что я закончила телефонный разговор, подошел и вопросительно посмотрел на меня.

– Точно не будешь брать машину?

– Точно. – Я кивнула. – Извини, я должна бежать.

– Понятно. – Он тяжело вздохнул. – Слушай, Женя, а у тебя нет на примете какого-нибудь дачника?

– Нет, Олег, но, если появится, немедленно направлю к тебе.

Я взглянула на часы, было начало второго. Времени хватало только на то, чтобы доехать до дома, быстро переодеться и перекусить на скорую руку.

Мечников заехал за мной без пяти два, к этому времени я была в полной боевой готовности. Перекинув сумку через плечо, я чмокнула свою дорогую тетушку и, ничего ей не объясняя, поспешила вниз.

– У меня мало времени, – деловито начал Костя, – так что давай сразу к делу. – Мечников надавил на педаль газа, едва я закрыла дверцу машины.

– Давай.

– Один человек обратился ко мне с просьбой о помощи. За ним кто-то следит. Причем уже продолжительное время.

– Продолжительное время – это сколько?

– Около недели. Потом странные телефонные звонки начались, угрозы. Но при этом звонивший ничего от него не требует, просто говорит гадости и обещает в скором времени наказать за содеянное.

– А этот человек понимает, за что его собираются наказывать? Кстати, он кто?

– Имя Крапивина Эдуарда Петровича тебе о чем-нибудь говорит?

– Ровным счетом ни о чем.

– Я так и думал, – усмехнулся Костя.

Я укоризненно посмотрела на следователя.

– Не обижайся. – Мечников поймал мой недовольный взгляд. – Крапивин – журналист, печатается во всех политических и экономических журналах нашего города. Ты, конечно же, ничего из написанного им не читала?

– Нет. А какое это имеет отношение к делу?

– Тогда расскажу тебе о Крапивине поподробнее, – сказал Мечников и свернул на трассу в сторону области. – Он человек свободного полета, не хочет работать на кого-то конкретно, творит в свое удовольствие, а потом предлагает статьи издательствам.

– Так, это сейчас не главное, – отмахнулась я. – Крапивин понимает, за что его хотят наказать? Догадывается, о чем идет речь?

– Понятия не имеет.

– А что ты, как следователь, сделал?

– Жень, не поверишь, я, как следователь, даже дело возбудить не могу. Потому что никакого криминала нет, доказательств угроз нет, ни писем, ни записей телефонных разговоров. Голые слова.

– Ну, я тебя хорошо знаю, Мечников, ты наверняка что-нибудь придумал. Что собираешься делать?

– Так я уже делаю, я тебя к нему везу, – усмехнулся Мечников. – Вот, кстати, мы и приехали.

Я посмотрела в окно. Мы остановились возле небольшого трехэтажного здания сталинской постройки.

– Вот тут и творит журналист Крапивин Эдуард Петрович.

– А живет он не там же, где творит? – спросила я, выходя из машины.

– Нет, Эдуард Петрович не путает работу с личной жизнью. Тут у него кабинет, а в Тарасове уютная трехкомнатная квартира.

– Ясно, – кивнула я и пошла вслед за Крапивиним.

Мы вошли в темный вонючий подъезд и, к моему удивлению, пошли не вверх, а вниз. По разбитым ступенькам углубились в полуподвальное помещение и уперлись в металлическую дверь, на которой была привинчена табличка с именем Крапивина. Мечников надавил на звонок трижды, потом еще два раза.

– Это сигнал, что свои пришли? – спросила я шепотом.

– Вроде того, – тихо ответил Костя.

– Мечников, ты уверен, что твой журналист в своем уме? Может, он решил в шпиона поиграть, а нас для компании подключил, чтоб мы вместе в песочнице клад искали?

– Тс-с... – Костя приложил палец к губам, призывая меня к тишине. – Потом поговорим, сначала познакомлю вас.

Мелькнул огонек, нас с Мечниковым изучали в дверной «глазок». Потом щелкнул замок, дверь открылась, и яркий свет от многочисленных светильников ударил в глаза.

– Константин Афанасьевич, рад вас видеть, – долговязый мужчина в очках гостеприимно распахнул перед нами дверь. – А вашему визиту, Евгения Максимовна, я рад втройне.

Я с удивлением посмотрела на мужчину.

– Наслышан о вас и ужасно рад, что теперь вы будете работать со мной, – продолжал тарыхтеть Крапивин.

Я пожала плечами.

– Для начала хотелось бы узнать суть дела и понять, сколь необходимо мое участие.

– Очень, очень необходимо, – принялся уверять меня журналист, усаживая за свой рабочий стол.

– Эдуард Петрович, у нас мало времени, – мне на выручку пришел Мечников. – Расскажите Евгении Максимовне все, что вы рассказывали мне.

– Понял, рассказываю.

История Крапивина растянулась на долгих полчаса. Говорил он по-журналистски сухо, но исключительно по делу. Подробно описал слежку и людей, которые за ним следили, детально обрисовал три ситуации, в которых он едва не пострадал от рук неизвестных. И об угрозах по телефону, разумеется, тоже упомянул. Из всего услышанного я сделала неутешительный вывод: либо Эдуард Петрович криминальных фильмов насмотрелся и нафантазировал себе слежку с угрозами, либо против него затеяли какую-то хитрую игру, осторожную и опасную.

– А прослушку на телефон не пробовали ставить? – Мой вопрос был адресован Мечникову.

– А как же, – живо отреагировал он, – конечно. Делалось все это неофициально, в обход начальства, но прослушку мы установили.

– И что?

– Мне каждый вечер звонит кто-то, – вмешался Эдуард Петрович. – Но голос какой-то неопределенный, ни мужской, ни женский. – Он пожал плечами.

– Прослушка наша реагирует на звонок, но записи самого разговора нет, пара минут тишины, и абонент отключается, – добавил Константин.

– Даже так, – усмехнулась я. – Значит, вы, Эдуард Петрович, снимаете трубку, разговариваете с неизвестным, выслушиваете его угрозы, но разговор не фиксируется на пленке?

– Вот именно, – Крапивин закивал, – мистика какая-то.

– А другие разговоры? Ведь не только злоумышленник названивает Эдуарду Петровичу, – я снова перевела взгляд на Мечникова.

– С остальными все в порядке, запись есть.

– Как мило.

– Евгения Максимовна, я хочу, чтобы вы приступили к работе немедленно, с этой самой минуты, – начал уговаривать меня журналист. – Я за все заплачу.

– Константин Афанасьевич, могу я переговорить с вами наедине? – Я посмотрела на Мечникова.

– Я вас оставлю. – Крапивин поднялся со стула. – Буду в соседней комнате.

– Ты что, издеваешься надо мной? – накинулась я на Константина.

– Жень, Жень, не кипятись, – зашептал Константин. – Я понимаю, выглядит все это странно, но Крапивину надо помочь.

– То есть ты серьезно относишься к его страхам? – Я усмехнулась. – По-твоему, коробка с пустыми бутылками, которая упала на него в супермаркете, это покушение? И сгоревшая бытовка рядом с его дачей – это тоже акт возмездия?

Мечников едва сдерживал смех, понимая, как надуманны страхи Крапивина, но, несмотря на это, продолжал настаивать на моем участии в деле.

– Женя, послушай меня, я знаю Крапивина давно. Мы с ним не друзья, конечно, но приходилось нам работать вместе года три назад, тогда он писал статью про одного нашего криминального авторитета. Мы провели рука об руку целый месяц, он и на задержание с нами ездил, и в перестрелку не раз попадал. И, уверяю тебя, он не производил впечатления пугливого журналиста, прячущегося за спины товарищей. Он нормальный, толковый мужик. А сейчас у него проблемы, он напуган. А я в дело вмешаться не могу.

– Ты не можешь, а я, значит, могу, – возмутилась я, не дослушав монолог Кости.

Мечников не успел ответить, как в дверь позвонили. Три протяжных звонка, затем, через пару секунд, два коротких. Условный сигнал, придуманный Крапивиним.

– Это ко мне, – крикнул Эдуард Петрович из соседней комнаты и поспешил к двери. – Алексей диск привез, – пояснил он.

Мы с Мечниковым снова вернулись к нашему разговору.

– Ты должна мне поверить, – настаивал Костя, – все происходящее не ерунда...

Какой-то посторонний шум, доносящийся из коридора, заставил Мечникова замолчать. Мы быстро переглянулись и схватились за оружие. Я достала из внутреннего кармана куртки револьвер и неслышно поднялась со стула.

– Кто вы? – услышали мы испуганный голос Крапивина и, не раздумывая, метнулись ему на выручку.

Молодой парень в черной кожаной куртке и в темно-синей кепке, сдвинутой на глаза, прижимал Эдуарда Петровича к стене. Он был так увлечен своим занятием, что даже не заметил, как мы появились в коридоре. Лево́й рукой парень в кожанке пытался закрыть Крапивину рот, но тот уворачивался, как мог, и повторял свой вопрос:

– Кто вы? Кто?

– Заткнись, – зло прошипел парень и тут же замер от неожиданности.

Мечников приставил дуло пистолета к его спине и спокойно произнес:

– А теперь отпусти Крапивина и подними руки.

Незнакомец не спешил выполнять указания, он по-прежнему крепко удерживал журналиста, придавливая его к стене коленом. Я подошла к парню и потянула его за рукав. Эдуард Петрович тут же поспешил занять более безопасное местоположение – за спиной вооруженного следователя Мечникова.

Я развернула парня к себе и скинула с его головы кепку. Незванный гость смотрел на меня с нескрываемой ненавистью и высокомерием.

– Похулиганим, детка? – спросил он.

Предложение незнакомца мне настолько не понравилось, что я незамедлительно «пригвоздила» его к стене.

– Полегче, Женя, полегче. – Мечников оторвал мою руку от шеи парня. – Он нам живой нужен.

Парень потер шею и перевел взгляд с меня на журналиста.

– Ментов на выручку позвал, испугался, значит. – Гость Крапивина самодовольно усмехнулся. – Это хорошо.

– Что вы себе позволяете? – возмутился Крапивин и снова спрятался за спину Мечникова. – Никого я не испугался.

– Оно и видно, – парень выплюнул жвачку и придавил ее рифленой подошвой ботинка. – Ну что? – Незнакомец уставился на Константина. – Давайте надевайте свои наручники, везите

куда следует. Я готов. Только меня выпустят уже к вечеру, увидите. – Он протянул руку следователю и засмеялся, демонстрируя свое удалое бесстрашие и уверенность в безнаказанности.

Мечников посмотрел на парня, потом медленно повернулся ко мне. Я поняла, что ему нужно, – наручники. Следователи прокуратуры не носят с собой наручников. Они вообще не имеют права приковывать подозреваемых к батарее.

Я усмехнулась и пошла в рабочий кабинет Крапивина, где оставила свою сумку с разными нехитрыми приспособлениями, необходимыми в работе телохранителя. Эдуард Петрович воспользовался удобным моментом, чтобы покинуть коридор, и поспешил за мной.

– Теперь вы понимаете, что я говорил правду? – спросил он.

– Понимаю, – сухо ответила я.

В коридоре послышалась какая-то возня. Я оттолкнула в сторону Крапивина и метнулась ко входу. Но было поздно. Энергичный парнишка уже выскочил за дверь. Я поискала глазами Мечникова. Он сидел на полу, обхватив голову руками, сквозь пальцы сочилась кровь. Рядом с ним лежала окровавленная лопатка для обуви с металлическим набалдашником в виде головы лошади.

– Непусти его, Женя. Я в порядке, – еле слышно сказал Мечников и застонал. Застонал скорее от обиды, чем от боли.

Убедившись, что с Костей все в порядке, я покинула «офис» Крапивина и устремила наверх. Парень не успел убежать далеко. Его темный силуэт мелькнул в арке соседнего дома. Я рванула за ним, в арку. Мое недолгое преследование прервалось уже в соседнем дворе, где позднего крапивинского гостя поджидала раздолбанная «Волга». Парень быстро сел в машину, и «Волга», резко развернувшись, выехала со двора. Номера машины были настолько заляпаны грязью, что разглядеть хотя бы одну цифру было невозможно.

Я вернулась обратно, в рабочую квартиру Крапивина, и наткнулась на запертую дверь. Я постучала, но мне не ответили. Тогда я надавила на кнопку дверного звонка, три протяжных, затем два коротких сигнала.

– Кто? – услышала я уже знакомый голос журналиста.

– Ваш телохранитель.

Дверь открылась, передо мной стоял бледный, перепуганный Крапивин, в правой руке он сжимал маникюрные ножницы. При виде меня на губах Эдуарда Петровича мелькнуло некое подобие улыбки.

– А это зачем? – Я кивнула на ножницы в его руке.

– Хочу перевязать голову Константину Афанасьевичу. Ищу, что бы порезать на бинты, но пока ничего не нашел. – Он виновато пожал плечами.

Мечников уже сидел на стуле в кабинете Крапивина и прижимал мокрый платок к ране на голове.

– Ушел, – разочарованно отметил он при виде меня.

– Как это могло случиться? – Я подошла к Константину и убрала его руку от головы. Некогда белый платок уже пропитался кровью.

– Я сам виноват.

– Это я поняла, – с усмешкой ответила я, рассматривая рану. – Рана поверхностная. Сейчас в больницу тебя повезу.

– Ты берешься за это дело? – Костя схватил меня за руку.

– Берусь, – ответила я, и Мечников позволил мне продолжать обработку своей раны.

В моей рабочей сумочке нашлись и стерильные салфетки, и бинт, так что очень скоро я наложила профессиональную повязку и потащила Константина к его же машине.

– А я? – Журналист робко вмешался в мои действия по спасению товарища, когда я, перекинув сумку через левое плечо, помогла Мечникову подняться.

– А вы берите все самое необходимое, закрывайте дверь и следуйте за нами.

– Женя, не надо со мной как с тяжелобольным обращаться. – Константин попытался избавиться от моей помощи. – Иди машину заводи, я могу самостоятельно передвигаться. В конце концов, рана у меня пустяковая, ты сама сказала.

– Ну, давай, передвигайся. – Я дала Мечникову свободу действий и направилась к выходу.

Костя, пошатываясь и цепляясь то за спинку стула, то за дверцу шкафа, сделал несколько шагов и остановился, прикрыв глаза.

– Я вам помогу. – Эдуард Петрович убрал под мышку свой тоненький кожаный портфель, а другой рукой взял Мечникова под локоть. От помощи журналиста мой бравый товарищ отказываться не стал и, опираясь на Крапивина, продолжил путь к выходу.

Закрывать металлическую дверь подпольного кабинета журналиста пришлось мне. Мужчины медленно поднимались по ступенькам неосвещенного подъезда. На улицу я вышла первая, огляделась по сторонам: ничего подозрительного. Хотя я и не рассчитывала увидеть здесь вооруженную гвардию бойцов, но в сложившейся ситуации пренебрегать простейшими методами безопасности было непозволительно.

Мечникова мы с Эдуардом Петровичем погрузили на заднее сиденье, я села за руль, Крапивин рядом со мной. Он убрал под ноги свой тощий портфель, пристегнулся, надвинул кепку на глаза и, неожиданно взяв на себя роль руководителя, скомандовал:

– Можете ехать, я тороплюсь.

– Эдуард Петрович, – окликнула я его, поворачивая ключ в замке зажигания. – Вы ничего не перепутали? Если я согласилась работать с вами, это не значит, что мной можно управлять и подгонять.

– Ой, простите, – журналист густо покраснел. – Это я по привычке. Меня ведь часто шофер возит... – Он немного помялся и снова извинился: – Забылся я, еще раз простите.

Я не ответила, вдавила педаль газа в пол и направилась в центральный госпиталь МВД.

Глава 2

Мечников отказался от помощи и заверил, что сам прекрасно доберется до приемного отделения.

– Я уже нормально себя чувствую, голова больше не кружится, так что я справлюсь, – уверял он меня, выбираясь из машины.

Он и в самом деле выглядел молодцом, и я со спокойной душой отпустила его одного.

– Чтобы вас лишней раз не дергали, скажу, что на меня на улице напали, – порадовал меня Костя. – А машину мою можешь себе оставить, на время, разумеется. – Он вяло улыбнулся.

– Спасибо, конечно, что доверяешь мне свой джип, но я предпочитаю свою маленькую и юркую машинку, – ответила я.

– Эдуард Петрович, – Мечников повернулся к журналисту, который уже порядка пяти минут сидел неподвижно, уставившись в одну точку.

Косте пришлось еще раз окликнуть Крапивина, прежде чем он отреагировал.

– Эдуард Петрович.

– А, да. Я здесь. – Крапивин заерзал, неловко улыбнулся и посмотрел на Мечникова. – Как вы себя чувствуете, Константин Афанасьевич?

– Эдуард Петрович, я оставляю вас на попечение Евгении Максимовны. Во всем ее слушайте и помогайте по мере возможности.

– Да, конечно, – Крапивин развел руками. – А как может быть иначе? Конечно.

Мы с Эдуардом Петровичем остались наедине. Я с любопытством смотрела на своего неразговорчивого пассажира, удивляясь его невозмутимости. Похоже, после случившегося он пребывал в некотором замешательстве и плохо понимал, что происходит. Он не задал ни одного вопроса с тех пор, как Мечников оставил нас вдвоем, хотя нам было о чем поговорить. Я медленно тронулась с места, направляясь в сторону своего дома, точнее, в сторону своего гаража, который находился во дворе дома. Громоздкий джип, тем более чужой, был мне абсолютно ни к чему, я планировала пересечь за руль своего «Фольксвагена».

Крапивин вышел из состояния ступора, когда я загоняла джип в гараж.

– Приехали? – Он опасливо огляделся по сторонам.

– Не совсем, – ответила я коротко.

– А что это за место? Вы здесь будете прятать меня? – Он с любопытством рассматривал полки на стенах гаража. – Тут есть на чем спать?

– Эдуард Петрович, это обычный гараж, тут я буду прятать машину Мечникова.

– А меня?

– У вас что, нет своего дома? – спросила я с иронией.

– Вы будете прятать меня в моем же доме? Но это глупо. – Эдуард Петрович вылез из джипа и теперь нервно трясся за моей спиной. – Нам нужно надежное укрытие, вы ведь профессионал. – Он взывал к моему профессионализму, но наткнулся на холодный взгляд и короткую речь:

– Говорите адрес, мы едем к вам.

В «Фольксвагене» Крапивин уже не выглядел таким спокойным и безразличным. Он не мог усидеть на месте, все время дергался, размахивал руками, произносил пламенные речи, изобилующие сухими газетными фразами. Я молча игнорировала все его нравоучения и убеждения, лишь в конце нашего пути, когда мы уже сворачивали к дому журналиста, я прервала его вопросом:

– В какое время вам обычно звонил злоумышленник и угрожал?

Эдуард Петрович вздрогнул от неожиданности, в этот момент он походил на испуганную птицу, услышавшую в кустах подозрительный шорох: вытянул шею, захлопал ресницами и с удивлением посмотрел на меня. Мне пришлось повторить вопрос, который, как мне показалось, еще не дошел до разума взбудораженного журналиста.

– В какое время вам обычно звонил злоумышленник?

– В десять-одиннадцать, – ответил он.

Я посмотрела на часы, стрелки часов сошлись на цифре шесть, половина седьмого. Времени до звонка более чем достаточно, и я намеревалась использовать оставшиеся часы с пользой для дела.

– Сейчас заедем в одно место, – сообщила я Крапивину, и он так обрадовался, что даже не стал спрашивать, куда именно.

– Ну, слава богу, к вам вернулся здравый смысл. – Он облегченно вздохнул и откинулся на спинку сиденья. – Конечно, поехали, тут находится опасно.

– Сейчас мы заедем в одно место, – жестко повторила я, – там мне надо кое-что взять. А потом поедем к вам домой. – Последние слова я произнесла с особой выразительностью, чтоб у журналиста окончательно пропали иллюзии.

Эдуард Петрович махнул рукой и отвернулся.

А я достала из кармана куртки мобильный телефон и набрала номер своего старого знакомого, бывшего военного радиоинженера, а ныне успешного бизнесмена.

– Никита, добрый вечер, это Охотникова.

Я вышла из машины на улицу и прикрыла за собой дверь, мне не хотелось, чтобы Крапивин слышал мой разговор с Никитой Захаровым.

Эдуард Петрович поначалу очень заволновался, увидев, как я покидаю автомобиль. Но потом, убедившись, что я по-прежнему рядом и в поле зрения, немного расслабился, но глаз с меня не спускал.

– Слушай, Никита, у меня к тебе такой профессиональный вопрос, – я быстро перешла к делу. – Представь ситуацию, человеку звонит некто и угрожает. На телефон поставили прослушку. И вот такая странная штука, звонок фиксируется, и разговор вроде как несколько минут длится. Только записи никакой нет. Нет голосов, ни того, кто звонит, ни того, кому звонят.

– И что именно ты хочешь от меня услышать? – Никита отреагировал вполне сдержанно, как будто для него эта ситуация сущий пустяк, ничего экстраординарного.

– Я слышала, что есть такие устройства, подавляющие определение источника связи. Но чтобы еще и разговор блокировался, с таким я впервые сталкиваюсь. Не удалось ни разговор записать, ни место, откуда звонили.

– Менты прослушку устанавливали или ты?

– Менты.

– Тогда все понятно, – усмехнулся он. – Не доросла еще наша милиция до новых изобретений в мире связи. Приезжай ко мне, я тебе кое-что покажу.

– Только покажешь? А поносить не дашь? – обрадовалась я.

– Посмотрим, – ответил Захаров и отключился.

К моей радости, Крапивин обиделся на меня и, похоже, объявил бойкот. Он не стремился поговорить со мной и не грузил своими речами. В тихой и мирной обстановке, под звуки местного радио, мы добрались до офиса Захарова.

Официально Никита занимался цифровыми системами видеонаблюдения и их программным обеспечением, но настоящей его страстью было другое, то, что спрятано «за ширмой» и доступно только «своим» – детективное оборудование и шпионские штучки. Что-то он просто доставал по своим каналам, что-то сам изобретал, дорабатывал, усовершенствовал. И все, что касалось новинок в этой области, для Захарова не было секретом.

Крапивина я оставила в зале магазина, а сама пошла в кабинет директора. Сжимая в руках свой тощий портфель, журналист с интересом рассматривал товар на прилавках. Под объективами доброй сотни видеокамер, развешанных по всему магазину, Эдуард Петрович чувствовал себя спокойнее и увереннее. Он не стал настаивать на том, чтобы я все время находилась рядом с ним, и согласился некоторое время остаться без моего чуткого надзора.

Никита действительно удивил меня, продемонстрировав занятное устройство, несколько громоздкое по сравнению с обычной прослушкой, но весьма эффективное по возможностям.

– Эта штука называется очень просто, Listener. Что переводится как слушатель. Устройство простое в применении, берешь вот этот шнурок, – Никита улыбнулся, демонстрируя мне провод, – подключаешь его к телефону как обычный АОН и ждешь звонка.

– Этот «Слушатель» поможет мне зафиксировать разговор или погасить, если я буду кому-то звонить?

– Женя, это же «Слушатель», а не болтун, – усмехнулся Захаров. – С его помощью ты можешь только слушать и записывать то, что услышала. Устройство, которое подавляет запись телефонного разговора, гораздо больше и устроено сложнее.

– Как интересно, – я рассматривала чудной агрегат с нескрываемым любопытством. – Значит, это правда, прослушку можно обмануть. Не думала, что такие фокусы уже всюду применяются в нашем городе.

– Так что, будешь брать или просто посмотришь?

– Возьму, пожалуй. – Я открыла сумку, чтобы убрать драгоценный прибор.

Арендовав на пару дней «Слушателя», я взяла под руку Крапивина и потащила к машине.

– Все в порядке? – на всякий случай спросил журналист.

– Все под контролем, – порадовала я его.

На улице уже стемнело, привычный для этого времени года короткий светлый день подошел к концу, сразу стало как-то немногочисленно, тихо, как будто большая часть города погрузилась в спячку. Эдуард Петрович послушно направился к машине, а я достала из кармана ключи и нажала на кнопку сигнализации.

– Едем ко мне? – безрадостно поинтересовался журналист.

– Да.

В ответ он только тяжело вздохнул и покачал головой.

Возле дома Крапивина мы были в начале девятого.

– У вас подъезд проходной? – поинтересовалась я, прежде чем припарковаться.

– Нет.

– А лестница на чердак?

– Что лестница на чердак? – переспросил журналист. – Если вас интересует, есть ли она, то да, лестница есть.

– Легко ли попасть на чердак?

– Не знаю, я не пытался, – ответил Крапивин. – Я по чердакам не прячусь, не мое это дело.

– Ладно, посидите пока в машине. – Помощник из журналиста был никудышный.

Я вышла из машины и оглядела дом. Три подъезда, девять этажей, пожарная лестница обрывается на уровне второго этажа. Но использовать ее для побега было бы нецелесообразно, потому что она выходила как раз к подъезду Крапивина, так что нас тут могли встретить. Для своего «Фольксвагена» я присмотрела местечко у соседнего подъезда. Прямо на обочине, откуда будет удобно съезжать в случае необходимости и не придется долго маневрировать между соседними припаркованными машинами, коих тут было достаточно.

Эдуард Петрович терял терпение, находясь в неизвестности. Он высунулся из окна машины и с раздражением поинтересовался:

– Долго вы еще собираетесь меня мариновать?

Я не успела ничего ответить, какой-то парнишка, который поначалу показался мне просто ребенком, внезапно кинулся к журналисту. Эдуард Петрович получил скользящий удар в лоб, потом парень просунул руку в открытое окно и вытащил тощий портфель Крапивина. Я немедленно рванула за мальчишкой, а он, перепрыгнув через невысокую ограду, устремился прочь от нас.

– Сидите в машине, – крикнула я Крапивину и побежала за парнем.

Я непременно настигла бы воришку, если бы не Эдуард Петрович. Вместо того чтобы сидеть в машине, он побежал за нами.

– Эдуард Петрович, почему вы бежали за мной? Я ведь велела вам оставаться в машине... Что было в портфеле? – Я не собиралась церемониться с Крапивинным и разговаривала довольно резко.

– Ничего особенного, – отвечал он, тяжело дыша. – Носовой платок, чистые листы бумаги.

– Что? – Я даже остановилась, желая взглянуть в глаза непутевого журналиста и еще раз услышать его ответ. – Я сказала вам, чтобы вы взяли с собой все самое необходимое. Носовой платок и листы бумаги – это и есть самое необходимое?

– Нет, конечно. – Моя агрессия заставила журналиста понервничать и почувствовать себя виноватым. – Но я всегда хожу с портфелем.

– И что вы там всегда носите? – уточнила я.

– Ну, носовой платок и...

– Поверить не могу.

– Но иногда я туда завтрак кладу или книгу какую-нибудь.

– Какую еще книгу?

– Которая потяжелее, чтоб портфель не казался пустым.

– Зачем вам вообще портфель? – Я остановилась и посмотрела на растерянного журналиста.

– Для статуса, – поразил он меня своим ответом. – Некоторые вообще с тростью ходят, чтобы придать своему имиджу некую гламурность, серьезность.

– А вы вместо трости пустой портфель таскаете.

– Я пробовал с тростью, но она мне мешает делать записи. – Крапивин поморщился. – Я ведь журналист. Люди хотят видеть меня таким – деловым, убедительным.

Я решила не продолжать этот бессмысленный разговор, но, когда мы снова оказались в машине, я не удержалась и полюбопытствовала:

– Эдуард Петрович, если вы человек пишущий, у вас ведь должны быть документы, записи, интервью. Если не в портфеле, то где вы все их храните? У вас карманный компьютер?

– Да, – почти шепотом ответил журналист и как-то странно улынулся, как будто решил заигрывать со мной.

Что означала эта игривая улыбка, я поняла через пару секунд, когда Эдуард Петрович расстегнул «молнию» и продемонстрировал мне внутренний карман своей куртки.

– Он тут, в надежном месте.

«Надежное место» представляло собой обычный карман, заштопанный разноцветными нитками. Неаккуратные стежки скрывали содержимое внутреннего кармана.

– Что это? – не сдержала я удивления. – Вы что, зашиваете карман каждый раз, когда убираете в него компьютер?

– Да, – почти с гордостью ответил Крапивин.

– Но это же неудобно, – резонно отметила я.

– Зато безопасно. – Эдуард Петрович застегнул куртку, скрывая от посторонних глаз свой маленький тайник.

– А если вам надо срочно сделать какие-то записи?

– Для этого у меня есть три вещи. Ручка, – он извлек из левого кармана сразу две авто-ручки, – блокнот и вот это. – Крапивин пару раз ткнул себя пальцем в лоб. Я только сейчас заметила, что после короткой встречи с парнишкой на лбу Эдуарда Петровича образовалась внушительных размеров шишка. – Голова. У меня отличная память, и я все запоминаю.

– Ручка, блокнот и голова, – уточнила я на всякий случай.

– Да.

Пока Крапивин сообщал мне о трех важных составляющих своей работы, я успела проехать немного вперед и припарковать машину на месте, которое заранее облюбовала.

– Приехали.

Журналист огляделся, и, когда понял, что он по-прежнему во дворе собственного дома, испугался и снова накинудся на меня:

– Вы что, не понимаете, как это опасно? Мы не можем отсиживаться в моей квартире, на меня уже дважды было совершено нападение, они знают, где я живу.

– Одну ночь нам все-таки придется посидеть в вашей квартире. – Я вышла из машины и вытащила свою спортивную сумку с вещами, не оставляя Крапивину никаких надежд на смену ночлега.

– Но только одну ночь, – поставил он свое условие.

Эдуард Петрович нехотя выбрался из машины и направился к подъезду.

Квартира Крапивина была очень уютной и современной. Огромный холл плавно переходил в комнату-гостиную. Никаких мебельных нагромождений, настоящий минимализм: шкаф, диван, журнальный столик. Все на своих местах, все блестит и благоухает. Настоящий палисадник разместился на подоконнике и на полу под окном. Изысканное лимонное дерево с единственным зеленым лимоном, карликовая пальма, смешное растение с вытянутыми, скрученными в трубочку листьями, кажется, это чудо природы называется то ли тещин язык, то ли щучьи хвосты. На стенах комнаты картины. Я не удержалась и спросила:

– Вы женаты?

– Разумеется, – ответил Крапивин, убирая ботинки в шкафчик у входной двери. – Но после этих ужасающих звонков с угрозами я счел необходимым обезопасить жену и отправил ее в деревню. К родителям.

– Мудрое решение, – отметила я и немедленно поймала на себе осуждающий взгляд Крапивина. Как будто причиной его разлуки с супругой была я.

– Я не голоден, а вы можете посмотреть для себя что-нибудь съестное в холодильнике. – На своей территории Эдуард Петрович чувствовал себя увереннее. – А мне надо работать. – Он прошел в дальнюю комнату.

– Где у вас телефон?

– Там. – Крапивин махнул рукой в сторону гостиной.

На журнальном столике я обнаружила телефонную трубку, в которой, собственно, не нуждалась. Мне нужна была база для телефонной трубки. Я предпочла не обращаться с очередным вопросом к журналисту, который неожиданно стал чрезмерно деловым и напыщенным, и принялась искать базу самостоятельно, параллельно осматривая квартиру клиента. Базу я обнаружила на кухне и сразу же приступила к установке чуда-техники от Захарова. Для того чтобы проверить его устройство в действии, набрала номер мобильного телефона Мечникова.

– Костя, как ты? – для начала я решила поинтересоваться самочувствием раненого друга.

– Все нормально, – бодро ответил Мечников. – Как у вас?

– Тоже все хорошо. Слушай, Костя, можешь набрать домашний номер телефона Крапивина, хочу кое-что проверить?

– Нет проблем.

Через минуту Костя перезвонил, и я сумела сделать запись нашего короткого разговора. По своему прямому назначению оборудование Захарова работало исправно, запись получилась

хорошая. Осталось надеяться, что странный звонок с блокировкой прослушивания «Слушатель» тоже сможет записать.

После разговора с Мечниковым я прошла по квартире. Еще раз осмотрелась и направилась в рабочую комнату Крапивина. Он сидел спиной к двери и отчаянно стучал по клавиатуре. На экране монитора быстро мелькали строчки набираемого текста. Мой визит не порадовал журналиста, он постарался скрыть от меня написанное, заслоняя рукой экран, а потом и вовсе выключил монитор.

– Над чем вы сейчас работаете, Эдуард Петрович? – Не дожидаясь предложения, я села на мягкий диван рядом с компьютером.

– Это не важно, – ответил он, отворачиваясь.

– А вы не думали, что ваша новая работа как-то связана с происходящим?

– Нет, это исключено. – Он по-прежнему был немногословен и раздражен.

Разговор с клиентом не клеился.

– Эдуард Петрович, – я старалась говорить мягко, желая расположить к себе несговорчивого собеседника, – вы профессионал, я не могу поверить, что вы, человек острого ума, не понимаете элементарных вещей. На вас нападают, вам угрожают, запугивают. В конце концов у вас похищают портфель. Все это говорит об одном – вам хотят помешать сделать свою работу.

– Я другого мнения на этот счет, – заметил журналист, поправляя очки. – Мне хотят отомстить.

– Хорошо, тогда объясните, кто и почему?

– Я написал множество статей, я разоблачил десятки людей. – Крапивин пристально смотрел на меня и почти кричал о своих достижениях. – Я уничтожал, срывал маски, называл настоящие имена. Все, все они могут мстить мне. Все! – Он был близок к истерике, поэтому намеренно сделал паузу в своей пылкой речи, подошел к книжному шкафу и, немного помедлив, извлек из него внушительную стопку разноцветных гляцевых журналов. Все это он бережно положил на стол передо мной. Вскоре рядом с журналами легла такая же стопка пожелтевших от времени газет. – Все они, – Крапивин указал на прессу, – они все меня ненавидят.

– Это ваши работы? – Я бросила беглый взгляд на журналы и газеты.

– Да, тут все. Начиная с самой первой моей разоблачающей статьи о лжеученом и заканчивая последним расследованием о безобразиях, творящихся в общеобразовательных школах нашего города.

– Я могу это почитать? – спросила я.

– Разумеется, для этого я вам их и дал. Читайте, изучайте. Я не в состоянии предположить, кто из них может преследовать меня, может, вы справитесь с этой задачей, – съязвил Крапивин, глядя мне прямо в глаза.

Я пожала плечами.

– Попробую.

Эдуард Петрович вернулся к компьютеру и снова засел за работу. Работа его успокаивала, глядя на монитор и стуча по клавиатуре, он, казалось, забывал обо всем на свете.

Глава 3

Первый телефонный звонок раздался без пятнадцати десять. Я в тот момент сидела на диване и листала журнал с последней статьей Эдуарда Петровича. Крапивин вздрогнул от неожиданности, когда пронзительный звонок нарушил тишину квартиры. Отложив газеты, я поспешила на кухню, чтобы включить «Слушателя» и записать разговор.

– Эдуард Петрович, снимете трубку, когда я вам скажу, – крикнула я на ходу.

Журналист промычал что-то нечленораздельное и поплелся вслед за мной.

Крапивин, волнуясь, замер перед телефоном. Затем он сделал несколько глубоких вдохов и посмотрел на меня, ожидая команды. Я кивнула, и тогда он поднял трубку, медленно, не сводя с меня глаз, поднес ее к уху и тихо сказал:

– Слушаю!

– Эдичка, солнышко, как ты там? – Несколько неприятный женский голос послышался в трубке телефона. Эдуард Петрович сразу расслабился и изменился в лице. На щеках заиграл румянец, губы расплылись в умильной улыбке. Прикрывая трубку рукой, он сообщил мне шепотом:

– Это жена.

Я и так догадалась, что это не с угрозами позвонили, выключила хитрое устройство Захарова и ушла из кухни, чтобы не мешать личному разговору клиента.

– Нет, дорогая, тебе показалось, я ни с кем не разговаривал, я дома один, – оправдывался Крапивин перед женой, которая, похоже, услышала его шепот, обращенный ко мне.

Эдуард Петрович говорил так громко, что мне даже прислушиваться не приходилось. За десять минут семейного разговора я узнала, что Эдуард Петрович жутко скучает по жене, что на ужин он поел пельмешки, а девушка из химчистки так и не позвонила. Распрощавшись с супругой, Эдуард Петрович, заметно повеселевший, вернулся ко мне и сел рядом.

– Марусенька звонила. – Журналист сиял от счастья. – Волнуется за меня, – не без удовольствия добавил он.

– Эдуард Петрович, – я решила воспользоваться его хорошим настроением, – подумайте хорошенько, кому вы могли на хвост наступить?

– Вы опять об этом, – улыбка мигом слетела с его губ. Выдержав небольшую паузу, он внезапно заговорил иначе: – Да, вы правы, я зажался в своем страхе и мешаю вам работать. Но я даже предположить не могу, кто и за что меня преследует. Глупость какая-то. – Неожиданно он сорвался с места и стал нервно расхаживать по комнате. – Еще пять лет назад я работал иначе – остро, актуально, бил, можно сказать, в самые болезненные точки. Теперь мое амплуа изменилось, я по-прежнему пишу на злободневные темы, но совсем по-другому. Как сторонний наблюдатель, корректно, без выпадов и оскорблений.

– Я просмотрела вашу последнюю статью, – вздохнула я, – должна сказать, что вы себя недооцениваете. Ваша статья очень колкая. Корректная, где-то даже дружеская, но это только на первый взгляд.

– Спасибо за комментарии, мне лестно слышать это от вас, от моего читателя, – Эдуард Петрович кокетливо засмутился и снова улыбнулся. – Но вы не видели, как я писал раньше.

– Почему же вы изменили стиль?

– Стал старше, умнее и понял, что журналист может разжечь войну, если захочет, уничтожить или, напротив, возродить. Словом надо пользоваться аккуратно, грамотно. Поэтому я стал сдержаннее в выражениях, но по-прежнему резок в осуждениях.

– Хорошо, мы немного отвлеклись, – я поймала себя на мысли, что мы говорим совсем не о том, о чем следовало бы. – Может, вы все-таки скажете, над чем сейчас работаете?

– Я предпочитаю не говорить о работе, которую еще не закончил. – Он снова уселся за рабочий стол и стал набивать какой-то текст, предварительно повернув экран таким образом, чтоб я не могла видеть, что он пишет.

– Эдуард Петрович, сейчас не до суеверий. Вы в опасности, и ключ к разгадке, возможно, кроется в вашей нынешней работе. – Я безуспешно пыталась докричаться до этого странного человека. И в этот момент новый телефонный звонок снова заставил Крапивина вздрогнуть и побледнеть.

Я бросила взгляд на часы – пятнадцать минут одиннадцатого.

– Это он, – прошептал журналист. – Включайте свою технику, сейчас я с ними поговорю. – Неожиданная храбрость и отчаяние обезумевшего человека накрыли Крапивина. Он поднялся с кресла и направился на кухню.

– Эдуард Петрович, даже не думайте сообщать своему собеседнику, что мы его прослушиваем, – предупредила я Крапивина, приводя аппарат Захарова в действие. – Этим вы только спугнете его. И старайтесь говорить как можно дольше.

– Он всегда сам заканчивает разговор, когда считает нужным это сделать, – сообщил Эдуард Петрович.

– Но вы же журналист, постарайтесь зацепить его, разговорить.

Телефон звонил уже неприлично долго, пора было отвечать. Я кивнула Крапивину, и он снял трубку.

– Что-то долго ты не отвечаешь, – усмехнулся неприятный голос. – Надеюсь, ты понял, что наказание неминуемо достигнет тебя, и ты горько пожалеешь о том, что не прислушался к моим словам. – Собеседник Крапивина как-то расплывчато и совсем неагрессивно запугивал моего клиента.

– Не понимаю, о чем речь, – холодно ответил журналист.

– Брось, Эдуард Петрович, все ты понимаешь. Мне порядком надоело тратить время на телефонные разговоры с тобой. Давай-ка ты, голубчик, завязывай с этим делом, – в этот момент разговор прервался, частые гудки в трубке раздражали своей настойчивостью.

– Я же говорил, – Эдуард Петрович аккуратно положил трубку на базу. – Он всегда сам заканчивает разговор.

Крапивин выглядел уставшим, он снял очки и потер глаза. Я выключила аппарат Захарова.

– О чем он говорил? – спросила я.

– Понятия не имею, – Эдуард Петрович не переставал с силой тереть глаза и лоб. – Вот такой бессвязный бред я слушаю каждый вечер. Ни кто он, ни чего хочет, я понять не могу. – Эдуард Петрович снова надел очки и с грустью посмотрел на меня. – Пойдемте спать, Евгения Максимовна, я чертовски устал.

Крапивин встал из-за стола и поплелся в кабинет. Несколько минут он потратил на то, чтобы перенести информацию с компьютера на диск, потом уселся на диван, отодвинул в сторону стопку журналов и положил на колени свою куртку. Я стояла в дверном проеме, облокотившись на стену, и с умилением наблюдала за тем, как журналист вшивает диск с информацией в свой надежный «сейф», во внутренний карман куртки. Он сосредоточенно наблюдал за иглой с красной ниткой, прокладывая неаккуратные стежки, хотя мысли его были где-то далеко.

Ночь мы провели в разных комнатах, хотя Крапивин настаивал на нашем «тесном контакте». Он по-прежнему придерживался мысли (и меня убеждал в своей правоте), что клиент и его телохранитель в минуты опасности должны быть неразлучны.

– Стена, разделяющая наши комнаты, будет скрывать возможную угрозу...

– Угрозы нет, я буду начеку, – пыталась я утихомирить взволнованного клиента.

– Я готов спать на полу, – джентльменский жест журналиста меня не сломил.

– Эдуард Петрович, я вообще не собираюсь спать, ни на кровати, ни на диване. Вы можете быть спокойны.

То ли усталость, то ли мои слова заставили Крапивина сдаться, и он оставил меня в покое. Я все оставшееся до утра время посвятила изучению разоблачающих трудов журналиста. Многостраничные статьи, пестрящие колкостями и обвинениями, сменялись короткими очерками на свободную тему. Поджав ноги, я устроилась в широком кожаном кресле, накрылась пледом, любезно предоставленным мне хозяином дома, и с интересом углубилась в чтение. После нескольких статей у меня сложилось твердое убеждение, что Крапивин – талантливый, но амбициозный журналист, не терпящий никаких возражений. Его правда, как аксиома, не нуждается в доказательствах и осуждениях, она просто есть, и с ней надо соглашаться.

Крапивин был прав, почти все его «подопечные», подвергшиеся публичному осуждению, могли жаждать мести. Но, выделяя круг подозреваемых, я в первую очередь основывалась на том, что люди, угрожавшие скандальному журналисту, хорошо оснащены в техническом плане. Установить на телефон такое сложное и дорогое устройство, подавляющее запись разговора, может не каждый. Поэтому нечистого на руку директора овощебазы, педагога-взяточника и подобных им я не стала рассматривать в качестве подозреваемых.

На улице уже светало, когда я отложила в сторону последний прочитанный журнал. Из всех обиженных я выделила четырех человек, о них я планировала переговорить с Крапивинным за завтраком. А пока позволила себе короткий сон – откинула голову на спинку стула и прикрыла глаза.

– Все ваши статьи сопровождаются замечательными фотоснимками, – наш утренний разговор о деле я начала издалека.

– Да, со мной работает молодой фотограф, очень талантливый и перспективный, – вяло ответил Крапивин, поправляя махровый халат. Он уже несколько минут молча смотрел в свою чашку с кофе.

– Вы плохо спали?

– Я вообще не спал, – резко ответил Эдуард Петрович. В словах его чувствовались нотки обиды и раздражения.

Я только усмехнулась, вспоминая, как сладко похрапывал мой клиент, пока я читала его творения.

– Что вы собираетесь делать дальше? – спросил он, не поднимая глаз.

– Сейчас вы возьмете все необходимое, и мы поедем на квартиру одного моего друга. Он в длительной командировке, квартира пустует, так что мы можем смело использовать ее как временное убежище. Там вас никто не найдет.

– Наконец-то. – Крапивин встал из-за стола, намереваясь немедленно паковать вещи.

– Пока поживете на этой квартире, а я отправлюсь на встречу с героями ваших разгромных статей, – сказала я.

– Минуточку, – Крапивин вернулся в кухню, – не хотите ли сказать, что я один останусь в чужой квартире? – Он возмущенно посмотрел на меня. – Не бывать этому.

– Эдуард Петрович, это безопасное место.

– Вы с ума сошли, Евгения Максимовна?! Вы не можете оставлять меня одного, вы же профессионал.

– Вот именно, – сказала я и указала на стул: – Сядьте, и слушайте меня внимательно.

Опешивший от моего напора Крапивин послушно присел у стола.

– Я профессионал, и я хорошо знаю свою работу. Если вы думаете, что можете понукать мной и указывать, что и как я должна делать, то могу вас разочаровать. Никому и никогда я не позволяла садиться себе на шею, и вы не станете исключением. Моя обязанность обезопасить

вас, и я это делаю. Ваша обязанность... – я на секунду прервала свою пылкую речь, а потом продолжила: – Нет, это даже не обязанность, вы ведь в любую минуту можете отказаться от моей опеки. Скажем, это необходимость, – слушать меня и делать то, что я говорю. Если вам дорога ваша жизнь, найдите в себе силы подчиниться обстоятельствам.

Как нашкодивший подросток, Эдуард Петрович сидел, виновато потупив взор. Минуту он тяжело вздыхал, ерзал на стуле, морщился и только потом решился ответить.

– Вы профессионал, я знаю. Но один я не останусь, буду повсюду следовать за вами. – Он даже побоялся посмотреть на меня в этот момент.

Я выдержала некоторую паузу, а потом, неожиданно для Крапивина, согласилась с его требованиями.

– Ладно, будем действовать сообща. Возможно, так даже лучше, у вас будет возможность объясниться с людьми, которых вы некогда растоптали, уничтожили, лишили бизнеса.

– Не понял, – Крапивин выглядел растерянно.

– Нет, я согласна, вы заслуженно обвиняли людей в мошенничестве и нечистоплотности. Но вам, как журналисту, должно быть интересно, как теперь живут эти люди, что делают. Разве неинтересно?

– Абсолютно неинтересно. – Эдуард Петрович замотал головой. – А к чему вы клоните?

– Я отобрала четыре статьи, которые заинтересовали меня больше других. Первая из них вот эта. – Я положила перед Крапивиним журнал с его разгромной статьей о тарасовской оперной диве.

Он бросил беглый взгляд на фотографию. На снимке была изображена женщина с несимпатичным, даже неприятным лицом, отекая, с синяками под глазами, с маленькими, как пуговицы, глазками и жидкими кучерявыми волосами. Под фотографией заголовок: «Все поет наш соловей», буква «о» в слове «поет» была подправлена красным цветом, в результате получилось «пъет». Глядя на снимок, Крапивин поморщился и прокомментировал:

– Малявина, бездарность, таким, как она, не место на сцене.

– Ну, почему же, о ней долгое время говорили как о самородке.

– Тоже мне, самородок. Ни дня без алкоголя, откровенные наряды, извращенная страсть к молодым мальчикам и муж, который за все это платит. А как мужа не стало, так она и судлась. – Он зло усмехнулся. – Самородок.

– Может, вы не знаете, но в скором времени планируется грандиозное возвращение дивы на большую сцену.

– Кому она нужна? – скептически заметил журналист.

– Кому-то все-таки пригодилась. Отсиделась два года в тени, собирается замуж и снова штурмует сцену.

– Вы-то откуда знаете? – недоверчиво поинтересовался Крапивин.

– Моя тетушка большая поклонница Малявиной. Она о ней знает все.

– Бред какой-то, – фыркнул Крапивин, прикрывая махровым халатом тощие коленки. – И что, мы должны с ней встречаться?

– Вам необязательно.

– Нет уж, – он не стал дослушивать меня, – поедem вместе. Мне даже интересно посмотреть в глаза этой бездарщине.

...Екатерина Захаровна Малявина покорила наш славный город своим волшебным голосом лет семь назад. Несколько раз штурмовала столицу, но там, как оказалось, без нее талантов хватало. А вот у нас в Тарасове она как-то легко и быстро прижилась, и карьера ее, равно как и материальное благосостояние, стали расти не по дням, а по часам. Я никогда не жаловала оперу и не была поклонницей таланта Малявиной, но, благодаря моей любимой тетушке Миле, знала об этом самородке немало. Я не находила никаких изъянов в ее соловьином пении, хотя

из статьи Крапивина узнала, что любители оперы «корчатся от ужаса и закрывают уши, слушая этот отвратительный голос, который сама Малявина предпочитает называть чудным серебряным сопрано».

Встретиться с некогда прославленной оперной певицей нам не составило особого труда, достаточно было назваться журналисткой из Москвы, прозвнявшей о скором возвращении дивы на сцену, и мне немедленно был дан зеленый свет. Крапивин в данном случае выступал в унижительной для него роли – фотографа.

– Вы раньше встречались с Малявиной лично? – поинтересовалась я до того, как вручила Эдуарду Петровичу фотокамеру.

– Слава богу, я не встречался с ней лично, – ответил он.

– Тогда будете моим фотографом.

Крапивин очень беспокоился о своей репутации и не хотел выяснять отношений с Малявиной, «весьма скандальной дамочкой» (если верить информации Эдуарда Петровича), поэтому предпочел сохранять инкогнито.

Малявина назначила нам встречу у себя дома в двенадцать часов дня.

– Неужели вы думаете, что эта старая калоша решила отомстить мне за прошлые обиды? – с удивлением поинтересовался Крапивин, когда мы подъезжали к загородному дому певицы.

– Этой старой калоше нет еще и сорока, – встала я на защиту Малявиной. – То, что касается ее мести, – я чуть помедлила с ответом, – не думаю, что именно она пытается вам отомстить.

– А кто?

– Это мы сейчас и попытаемся выяснить. Кто-то у нее появился, влиятельный, обеспеченный. Иначе униженной вдове не удалось бы вернуться на сцену. Но вокруг нее кипит работа, в нее вложены большие деньги.

– Вы думаете, покровители Малявиной меня запугивают?

– Не исключаю такой возможности. Боятся, что вы попытаетесь испортить феерическое возвращение оперной певицы и вложенные бабки попросту сгорят.

– Да, я запросто могу спутать им все карты, – злорадно улыбнулся журналист. – Это надо записать. – Крапивин засуетился, достал из кармана ручку, маленький блокнот и быстро сделал несколько записей. – Это будет бомба! – Эдуард Петрович уже ерзал от удовольствия, когда я попыталась вернуть его «на землю».

– Приехали.

– Мне надо будет задать ей пару вопросов, – азарт скандального журналиста, получившего сенсационную новость, не покидал Крапивина.

– Никаких вопросов, – строго сказала я. – Журналист я, вы фотограф. Ясно?

Нет, не хотел Эдуард Петрович соглашаться с таким положением дел, не хотел, чтобы его так несправедливо лишали права выполнять любимую работу, но я была неумолима.

– Раз уж мы здесь, могу вам на выбор предложить две должности: фотограф или мой личный шофер. Предупреждаю, фотограф идет со мной и молчит. Водитель сидит в машине и тоже молчит. Третьего варианта нет. Ваш выбор?

– Фотограф, – согласился журналист, убирая в карман блокнот и ручку.

– Хороший выбор.

Екатерина Захаровна встретила нас с «фотографом» как дорогих гостей.

– Неужели в Москве уже прознали про мое возвращение? – весело зашебетала оперная дива.

Пока она щебетала, изливая на нас свою радость, бдительные охранники проверяли нас металлоискателем и внимательно разглядывали документы. Мое поддельное удостоверение не вызвало у них никакого подозрения, у «фотографа» Крапивина были только права на имя Мамашвили Дениса Альбертовича. Эти права многоразового пользования я сделала так, чтобы

в них легко можно было поменять фотографию при необходимости. Под фамилией Мамашвили не раз скрывались мои бывшие клиенты, теперь пришла очередь Крапивина примерить на себя шкуру знойного грузина.

– Все в порядке, – доложили Малявиной охранники, и нам позволено было пройти в дом.

– Прошу вас, – хозяйка дома указала на дверь. – В мой кабинет, пожалуйста.

– Денис Альбертович, пройдитесь здесь. – Я кивнула на стены кабинета. – Сделайте снимки вот тех афиш, еще вон того портрета. Вы не возражаете, Екатерина Захаровна?

– Конечно нет, конечно нет, – защебетала дива. – Я не собираюсь ничего скрывать от своих поклонников. Моя жизнь открыта для них. – Малявина обвела гордым взглядом «свою жизнь», развешанную на стенах. – Все, что я делаю, все для них. Так зачем же прятаться, можете фотографировать все, что вам приглянется.

– Ой, Екатерина Захаровна, вы как раз озвучили мой первый вопрос, который я намеревалась вам задать, – я попыталась сразу перейти к делу.

– Правда? – обрадовалась оперная дива. – Вот видите, как хорошо. Мы с вами едва познакомились, а уже чувствуем друг друга, думаем об одном и том же. – Она кокетливо хихикнула. – Значит, разговор у нас заладится.

– Уверена в этом, – я едва удерживала себя в рамках приторной радости. – наших читателей волнует вопрос, куда пропала Екатерина Малявина на долгих два года?

– Ой, – улыбка сошла с лица Екатерины Захаровны, она в одно мгновение превратилась в печальную даму с трудным прошлым. – Эти два года были для меня настоящим испытанием. Мой супруг трагически погиб, я очень тяжело переживала его утрату. На нервной почве у меня пропал голос, и я не могла выходить на сцену.

– Если не ошибаюсь, как раз в то время вышло несколько громких статей о вашем творчестве? – Я пыталась направлять ее рассказ в нужное русло.

– Да, да. – Малявина стала еще печальнее. – Продажные журналисты воспользовались моим состоянием и стали наперебой поливать грязью, кричать, что я бездарность. Это было ужасно. – Как по волшебству, из рукава платья оперной дивы появился шелковый платок, которым Малявина утирала свои скудные слезы. – Страшно подумать, откуда в людях столько ненависти, столько жестокости. – Она изо всех сил старалась расплакаться, но у нее это плохо получалось. – Эти отвратительные снимки. – При упоминании о них я взглянула на своего лжефотографа, который внимательно слушал наш разговор, изображая при этом бурную деятельность. – Ведь все, кто меня знает, сразу сказали: это не Малявина. Конечно, это была не я, сфотографировали какую-то алкоголичку и заявили, что это Екатерина Малявина, ужас какой. Лжецы, бумагомаратели, кляузники.

Я не сводила глаз с Крапивина, ноздри его уже раздувались от негодования, он готов был вступить за себя и своих коллег и даже приготовился что-то сказать, когда я пресекла его рвение:

– Денис Альбертович, вон тот плакат крупным планом снимите, пожалуйста.

Эдуард Петрович фыркнул и поплелся к указанному плакату. Только сейчас я заметила, что этот недотепа фотограф не открыл объектив фотокамеры.

– Одну минуточку, Екатерина Захаровна, я покажу своему коллеге, что именно надо сфотографировать. – Я отошла от оперной дивы, а она пока налила себе бокал воды, чтобы успокоиться.

– Держите себя в руках, Эдуард Петрович, – прошипела я в ухо журналисту и открыла объектив фотоаппарата. – Делайте снимки и даже не пытайтесь вмешиваться в разговор.

– Но она пытается оговорить меня, никаких алкоголичек мы не фотографировали, – оправдывался Крапивин.

– И вот этот заголовок крупным планом, – сказала я громко, чтобы Малявина услышала. – Вы все поняли, Денис Альбертович?

Крапивин нехотя согласился:

– Да.

Поскольку я выступала в роли журналистки, для убедительности мне пришлось задать несколько стандартных вопросов о творческих планах. Постепенно я подобралась к интересующей меня теме: кто он, благодетель, решивший вложить капитал в возрождение Екатерины Малявиной.

– О, это замечательный человек. Но имя его я пока назвать не могу. Он мой большой поклонник, преданный друг и, не исключено, – Малявина кокетливо хихикнула, – будущий муж. Но только это пока тайна. – Екатерина Захаровна наигранно заволновалась из-за того, что сболтнула лишнего.

– Ой, ну как же, – пришла моя очередь жеманничать и кривляться, – неужели вы даже не приоткроете завесу тайны? Ну хоть намекните, кто он, этот добрый волшебник, который вернул вас публике?

Мы препирались еще минуты три. Я пыталась выяснить хоть что-нибудь о благодетеле Малявиной, она продолжала держать оборону, утаивая имя и род деятельности будущего мужа.

– Ну что же, Екатерина Захаровна, вы заинтриговали меня и наших читателей. Надеюсь, когда завеса тайны будет открыта, вы позволите мне еще раз встретиться с вами?

– Ну, разумеется.

– А теперь, если вы не возражаете, мы хотели бы пройтись по вашему дому и сделать несколько снимков в интерьере.

– С удовольствием. – Малявина с радостью согласилась на мое предложение.

Я подошла к Крапивину, который застыл с фотокамерой у афиши.

– Меня чуть не стошнило, пока я вас слушал, – сказал он тихо.

– Сдерживайте свои рефлексы, Эдуард Петрович.

– Вам никогда не стать хорошим журналистом.

– А я и не пытаюсь. Справитесь с возложенными на вас обязанностями?

– Это с какими? – заволновался Крапивин.

– Сфотографировать звезду оперной сцены сможете?

– Ну, хороших снимков я вам не обещаю...

– Снимки меня вообще не интересуют, делайте вид, что фотографируете, и с умным видом давайте указания.

– С этим я справлюсь.

Екатерина Захаровна, как оказалось, очень любила фотографироваться. Она охотно соглашалась на любые предложения: сняться у окна, на диване, в шляпке, в беретке. Крапивин, который поначалу робел, исполняя чужую для себя роль фотографа, потом неожиданно ожил и с увлечением предался работе. Я даже не сразу поняла, что эта фотосессия стала для него маленькой мстью за несправедливое осуждение его прежней работы. Он с удовольствием издевался над ничего не подозревающей дивой.

– Тут вам лучше будет встать на колени, – рьяно руководил он Малявиной. – Напольная ваза просто потрясающая, вы будете великолепно смотреться на ее фоне.

– Вы думаете? – Малявина изучающе посмотрела на свою вазу и согласилась с мастером. – Да, она действительно уникальна. Но вам не кажется, что на коленях я буду выглядеть не очень привлекательно? – сомневалась она.

– Не волнуйтесь, никто и не догадается, что вы стояли на коленях. Я сделаю крупный план, только ваше лицо и ваза.

– А, тогда хорошо! – Малявина послушно выполняла указания фотографа.

– Теперь можете опереться на локти. Вот так. – Эдуард Петрович просто наслаждался своей маленькой мстью.

Я едва сдерживала смех, наблюдая за ним.

– Не переусердствуйте, мастер.

– Все под контролем.

Дива и лжефотограф переместились в спальню, где Малявина, под шелканье фотокамеры, еще минут десять позировала на кровати.

Крапивина я отрывала от неожиданно полюбившейся работы чуть ли не силой.

– Нам еще надо на самолет успеть, Денис Альбертович.

– Ах, да. Простите. Увлекся.

– Ой, мне так приятно было с вами работать, я получила огромное удовольствие. – Малявина взяла под руку моего помощника и кокетливо прижалась своим пышным бедром к его ноге.

Крапивина перекошило от негодования, но, надо отдать ему должное, он сумел совладать со своими эмоциями.

– Мне тоже. Вы потрясающая женщина, – очень правдоподобно соврал Эдуард Петрович.

– Ой, ну что вы.

Надо было бежать отсюда, бежать, бежать и бежать.

Мы мчались по дороге в сторону города, когда Эдуард Петрович, осознав все, что с ним недавно произошло, ужаснулся своему поведению.

– Неужели это был я? – Крапивин сидел с каменным лицом. – Я ее фотографировал, я позволял ей кокетничать со мной.

– Вы и сами с ней неплохо кокетничали, – добавила я масла в огонь.

– Какой ужас! – Крапивин схватился за голову. – Как это отвратительно.

Он поныл пару секунд, а потом неожиданно накинулся на меня:

– Что вы со мной делаете? Вы ломаете меня, я не такой, со мной так нельзя.

– Вы сами изъявили желание сопровождать меня. Никогда не поздно отказаться, – усмехнулась я.

– Нет, я должен это пройти до конца, – смело признался журналист. – Что вы думаете делать дальше?

Глава 4

Мы с Крапивиним проанализировали ситуацию, точнее, я уже сделала свои выводы после встречи с Малявиной, но Эдуард Петрович настоятельно требовал поделиться с ним своими соображениями.

– Будем искать ее спонсора, думаете, это он меня преследует?

– Честно говоря, сомневаюсь, – разочаровала я Эдуарда Петровича. – Заметьте, говоря о журналистах, Малявина вас не упомянула. Думаю, она и фамилии вашей не запомнила, вы для нее один из тех, кто оклеветал, оговорил, унизил.

– Не может быть, – с сомнением сказал Крапивин. – Я написал всего две статьи о ней, и они были самыми громкими.

– Возможно, так и было, но она вас никак не выделила.

– Ну ничего, ничего. – Крапивин был возмущен невниманием к своей персоне. – Я такую статью о ней напишу, такую статью! Она меня на всю жизнь запомнит.

– А вы тщеславный человек, Эдуард Петрович, – усмехнулась я.

Меня смущал еще один момент, о котором я решила не говорить с Крапивиним. Его желание писать разгромные статьи во время моей работы несколько настораживало, он мог запросто испортить все дело. Поэтому я предпочла не делиться с ним всеми своими соображениями, ограничиваясь поверхностными рассуждениями вслух.

Мы решили перекусить в небольшом уютном кафе на одной из центральных улиц Тарасова. Я дождалась удобного момента, когда Крапивин оставил меня в одиночестве, и позволила своему старому знакомому Александру Каменеву. Санька всегда помогал мне с информацией, которую умело находил в Интернете. Я решила через Каменева узнать хоть что-нибудь о покровителе Малявиной.

Пропуская долгую приветственную церемонию со стандартными вопросами: как дела и что новенького, я быстро перешла к делу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.